

УДК 321.01

Суверенитет и исключения из него

С. А. Речкович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. Рассмотрена история развития идеи о суверенитете с упоминанием основных авторов, писавших по теме. Суверенитет рассматривается в большей степени с позиций теории международных отношений. Особое внимание уделяется исключениям из суверенитета, его ограничениям, а также его современной трактовке.

Ключевые слова: суверенитет, права человека, система международных отношений, теория международных отношений, внутренний суверенитет, внешний суверенитет, функциональный суверенитет, гуманитарная интервенция, дипломатический иммунитет, кондоминиум.

Родственные концепты государства и суверенитета претерпели большие изменения с течением истории. Государства потеряли свой статус единственных акторов на международной арене, а суверенитет – один из главных атрибутов государства – утратил свой абсолютный характер. Хотя государство все еще остается основным субъектом международных отношений, сейчас ему приходится делить сферу влияния с другими игроками, в частности, с международными организациями. Схожим образом абсолютный суверенитет уступил различным формам относительного суверенитета, подчиненного международному праву и частично ограниченного высокой степенью взаимозависимости государств и их внутренней этнической гетерогенностью. Новые концепции, такие как разделенный суверенитет и функциональный суверенитет, были разработаны для того, чтобы описать эти тенденции.

Упомянутые изменения изучались многими экспертами юриспруденции и политологии. Некоторые авторы ставили вопрос об уместности концепта суверенитета. Например, Луис Хенкин в лекции, прочитанной в Гааге в 1989 г., утверждал, что «суверенитет – плохое слово не только потому, что оно служило ужасающим национальным идеологиям; в международных отношениях и даже в международном праве оно часто используется как замена мышлению и оценке» [7]. В статье мы рассмотрим процесс развития суверенитета с момента его появления и до наших дней в попытке определить, насколько широки границы суверенитета и насколько тщательно идея суверенитета воплощается на практике.

Этимологически слово «суверенитет» имеет латинские корни и происходит от слова *supra*. Оно использовалось, чтобы обозначать различные формы превосходства. Во времена позднего Средневековья правители на местах использовали его, чтобы оправдать свои притязания на внешнюю свободу от

воли и влияния императора и папы. Суверенитет также использовался для усиления контроля над вассалами со стороны такого правителя и консолидации эксклюзивных полномочий над территорией.

Первым автором, развившим всеобъемлющую теорию суверенитета, был Жан Боден с его «Шестью книгами о государстве» 1576 г., где суверенитет был представлен как «абсолютная и постоянная власть государства» [4]. Характеристика «абсолютного» значила, что правитель обладал всей полнотой законотворческой власти, как и властью отменять или изменять любой закон. В осуществлении этой власти правитель не был ответственен перед какой бы то ни было другой вышестоящей властью. Боден признавал, что суверен был подчинен Божественному закону и природе, а также некоторым человеческим законам, общим для всех людей.

Концепт суверенитета оказал влияние на становление государственных систем в раннюю пору современной Европы. Вестфальский мир 1648 г. запустил процесс смены единства Священной римской империи, ведомой императором и папой, независимостью суверенных государств. Идея о суверенитете продолжила свое развитие. В 1651 г. Томас Гоббс изложил свою теорию суверенитета в «Левиафане». По мнению Гоббса, война всех против всех (*bellum omnium contra omnes*) в природном состоянии общества может быть преодолена только в случае, если все его члены делегируют свою власть одному человеку или группе лиц, которые заменят многих. Орган, установленный подобным образом, и будет «великим Левиафаном» – сувереном, которому все будут подчиняться. Левиафану же принадлежит власть решать, что есть добро и зло и что дозволяется высшим законом [5].

Теория Гоббса помогла суверенитету сбросить ранние ограничения и стать абсолютным концептом, идеей, доработанной Спинозой и Гегелем в XVII и XVIII вв. Эта концепция медленно внедрялась в практику. Несмотря на развитие концепта суверенитета, государства публично не признавали полной свободы своих действий и продолжали следовать принципам международного права. Концепт суверенитета достиг высшей точки своего развития в XIX в. с признанием полной свободы государства прибегать к войне. В противоположность этому в XX в. суверенитет был значительно ограничен теорией и практикой.

Эксперты политической теории, международных отношений, международного права и конституционного закона предложили огромное количество определений для суверенитета, и каждое из них подчеркивает лишь определенную его сторону. Изучение множества определений суверенитета привело автора к созданию эклектичного описания суверенитета. Ранние определения суверенитета объясняют его через верховенство самобытной власти над определенной территорией. Эта власть не находится в подчинении у исполнительной, законодательной или судебной власти другого государства за исключением публичного международного права. Внешний аспект суверенитета подчеркивает независимость и равенство всех государств. Он указывает на то, что государство является непосредственным и полноправным субъектом международного права, что оно не находится под контролем у любого другого госу-

дарства, и что де-факто оно способно и свободно осуществлять необходимый объем государственной власти, ограниченной международным правом.

Наибольшее количество определений суверенитета дала теория международных отношений. Во-первых, поскольку все государства являются суверенными, принцип «суверенного равенства» государств был закреплен в Уставе ООН. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, перечисляет признаки суверенного равенства, некоторые из которых относятся к внутреннему суверенитету, но в большинстве своем затрагивают внешний [1].

Согласно определению суверенного равенства, принятому Генеральной Ассамблеей, попадание одного государства под контроль другого несовместимо с суверенитетом первого. С другой стороны, участие в международных организациях и соблюдение норм международного права совместимы с суверенитетом. Второе следствие относительно международных отношений – это принцип невмешательства во внутренние дела государства, постулирующий подчинение одного государства другим и в итоге получение преимуществ.

Принцип невмешательства во внутренние дела государства имеет несколько оговорок. Первая связана с международной защитой прав человека, поскольку их серьезные нарушения давали государствам право гуманитарной интервенции. Яркий пример подобного вмешательства: Франция и Великобритания в 1860 г. отправили войска в Сирию в ответ на резню христиан мусульманами. Другим историческим исключением из принципа является вмешательство с целью поддержания европейского баланса сил на международной арене. Сюда можно отнести всевозможные «войны за наследство» и создание коалиции против революционной Франции в конце XVIII в. Третья возможность распространения внутреннего суверенитета за границы государства связана с тем, что он подразумевает эксклюзивность государственной власти (законодательной, судебной, исполнительной) над всеми его гражданами. Пусть за границами государства эта власть утрачивает свое верховенство, тем не менее в некоторых случаях он играет определяющую роль (например, международный уголовный розыск). Будучи инвертированным, этот принцип ограничивает чужой суверенитет через иммунитет главы государства и дипломатический иммунитет. Следствие из этих исключений следующее: некоторые нормы международного права могут быть интерпретированы как ограничители государственного суверенитета.

Право вести войну является еще одним традиционным признаком суверенитета. В прошлом, прежде чем суверенитет получил абсолютный характер, государство было правомочным прибегать к войне только в случае *justa causa*. С распространением взглядов о суверенитете, которое достигло кульминации в XIX в., нации в большей части случаев стали обходиться без императива достойного обоснования причин развязывать войну. С начала XX в. международное сообщество сузило допустимые границы использования военной силы до случаев индивидуальной и коллективной самозащиты, а также коллективной безопасности, что выразилось в итоге в создании Совета Безопасности ООН как реакции на угрозы нарушения мира и акты агрессии.

Наконец, развитие позитивистской теории международного права стало важным следствием концепции абсолютного суверенитета. Согласно классическим теоретикам, международное право основывалось на объективном порядке вещей – природном законе. Другие придерживались мнения, что международное право происходило как из природного закона, так и из воли государств. Однако возникшая в XIX в. позитивистская теория указала волю государства как единственный источник легитимности положений международного права. Некоторые авторы пытались модифицировать подобное абсолютистское отношение через утверждение, что, по крайней мере, одна норма существует независимо от воли государства – *pacta sunt servanda* (договоренности должны соблюдаться).

Развитие государств и системы международных отношений вызвало ослабление взглядов на суверенитет как на неделимую сущность. Распространение демократии и федерализма, например, изменило представление о носителе суверенитета внутри государств. Если в прошлом это были король или князь, то Декларация независимости США сделала носителем суверенитета народ. Французская конституция 1791 г. объявила, что суверенитет принадлежит нации. А Джон Остин [7], под влиянием британской системы, придерживался мнения, что суверенитет укоренен в национальном парламенте. Сложное федеральное устройство США затруднило определение единственного источника суверенитета, что дало начало идее двойственного суверенитета союзного государства и штатов, его составляющих. Некоторые даже говорили о его тройственной природе, с тем обоснованием, что народ является источником суверенитета, который функционально распределяется между центром и штатами от его лица. США даже признали, пусть и в весьма ограниченном объеме, суверенитет племен коренных народов Америки, который существует параллельно с федеральным суверенитетом и суверенитетом штата.

В СССР Конституция 1977 г. оговаривала, что «союзная республика – суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик» [3]. Прилагательные «советская» и «социалистическая» налагали некоторые ограничения на республиканский суверенитет. Более того, власть союзной республики до 1977 г. была сильно ограничена и полностью согласовывалась с суверенитетом СССР по причине централизации страны. Эта ситуация радикально изменилась в 1991 г., когда все союзные республики стали независимыми.

Пусть некоторые ранние исследователи считали, что суверенитет неделим, исторические прецеденты говорят об обратном. Кондоминиумы, в которых два или более государства совместно распространяют свой суверенитет над одной территорией, представляют один из видов таких прецедентов. Судан, который находился под англо-египетским управлением между 1898 и 1955 г., Андорра, с некоторыми изменениями управлявшаяся Францией и Испанией с 1278 по 1993 г., – два подобных примера. Возможно, гораздо более широко известным примером являются Новые Гебриды – сейчас Вануату – франко-британский кондоминиум с 1914 по 1980 г.

В XVIII–XIX вв. выражение «полусуверенный» использовалось для описания форм государственности, подобных протекторатам, которые зависели от других государств. Сегодня концепции ограниченного суверенитета и многочисленные понятия, связанные с ним, признали его гибкую природу. Остаточный де-юре суверенитет означает, что существуют ограничения, в то время как суверенитет де-факто представляет собой собственно осуществление власти на территории. Существует и другое деление: *territoriale Souveränität* (узаконенное право собственности на территорию) и *Gebietshoheit* (физический контроль над ней) [8]. А в политическом дискурсе Квебека используются выражения *souveraineté-association* и *souveraineté-partagée* [6]. Практическая разнохарактерность развитых и развивающихся стран также привела к различению «негативного суверенитета», «пассивной свободы от внешнего влияния» и «позитивного суверенитета» – способности действовать и сотрудничать как внутри страны, так и на международном уровне.

Новым понятием, основанным на дополнении морского права, является «функциональный суверенитет». Согласно статье 56(1) Конвенции ООН 1982 г. о морском праве, прибрежные государства обладают *суверенными правами* «в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами, и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке указанной зоны, таких, как производство энергии путем использования воды, течений и ветра» [2]. Статья 77 того же документа поясняет, что прибрежное государство обладает *суверенными правами* «в целях его разведки и разработки его природных ресурсов» [Там же]. Подобные законоположения подтверждают, что суверенитет не является неделимым и что две или более власти могут обладать ограниченным, относительным или функциональным суверенитетом над некоторыми территориями, группами или ресурсами.

Деградация идеи о государстве, обладающем всеобъемлющим суверенитетом, была продиктована развитием системы международных отношений. Развитие международного права на практике сузило границы суверенитета. Нынешние государства берут на себя все больше и больше обязательств перед международным сообществом и принимают участие в деятельности международных организаций: и то, и другое ограничивает свободу действий современного государства. В силу этого некоторые правительства (в основном западноевропейские) включают в национальные конституции пункт о допустимости ограничения государственного суверенитета, если того требует международное сотрудничество, однако на данный момент, как это можно видеть на примере Европейского Союза, передача власти ограничивается экономической сферой, и сокращение суверенитета в вопросах политики и безопасности кажется весьма сомнительным в обозримом будущем. Более того, несмотря на некоторые попытки в других регионах мира имитировать модель ЕС, весьма спорно, что эти регионы обладают необходимым уровнем политического и экономического развития, равно как и гомогенности для имитации европейского опыта [8].

Другая традиционная импликация суверенитета – запрет на вмешательство во внутренние дела государства – в наше время поставлена под вопрос. Развитие права на самоопределение и международной системы защиты прав человека затронуло ядро суверенитета как такового – исключительное право государства на управление гражданами по собственному усмотрению.

Самоопределение, один из наиболее противоречивых вопросов международного права в XX в., может быть разбито на два аспекта. «Внешнее» самоопределение соотносится с правом каждого народа, вне зависимости от того, что имеется в виду под «народом», определять свой политический статус, включая независимость или слияние с другим государством. «Внутреннее» самоопределение коррелирует с правом граждан некоторого государства на представительное демократическое государство. Внутренний аспект самоопределения может легко быть приведен в соответствие с суверенитетом, чего нельзя сказать о внешнем измерении, поскольку оно представляет собой угрозу ему, легитимизируя сепаратистские движения. Некоторые резолюции Генеральной Ассамблеи ООН пытались установить баланс между правом на самоопределение и правом на территориальную целостность, но его адекватная реализация на практике является практически неразрешимой задачей. Схожим образом закрепленные на международном уровне права человека гарантировали индивидам и группам некоторые права, не зависящие от государства, что значительно сузило суверенитет последнего. События конца XX в. в Кувейте, Сомали, Боснии и Герцеговине, а также Гаити дали толчок тенденции усиления права на гуманитарную помощь и гуманитарную интервенцию, даже несмотря на подразумеваемое разрушение государственного суверенитета.

Нынешний суверенитет значительно отличается от суверенитета в его наиболее широком и полном классическом понимании, каким оно было в Новое время. Развитие теории международных отношений, а также международного права через участие в международных организациях и основополагающие нормативно-правовые акты наложили серьезные ограничения на его внешнюю и внутреннюю составляющие.

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии : сборник. – Нью-Йорк, 1970. – С. 151–155.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 48. – Ст. 5493.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977, ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617. – Утратил силу.
4. *Bodin J. Six books on the Commonwealth / J. Bodin.* – Oxford : Alden Press, 1955. – 222 p.
5. *Hobbes Th. The Leviathan / Th. Hobbes ; ed. Truck R.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1651/1991. – 618 p.

6. *Kranz J.* Notion de souveraineté et le droit international / J. Kranz // Archiv des Völkerrechts. – 1992. – №. 4, Selbstbestimmung / Self-determination. – P. 411–441.

7. *Lapidoth R.* Redefining Authority: The Past, Present, and Future of Sovereignty / R. Lapidoth // Harvard International Review. – 1995. – Vol. 17, № 3 (Summer). – P. 8–71.

8. *Ritter E.-H.* Zur territorialen Dimension in der Europäischen Verfassung / E.-H. Ritter // Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften (ZSE) : Journal for Comparative Government and European Policy. – 2003. – Vol. 1, N 2. – P. 240–250.

Sovereignty and Its Limitations

S. A. Rechkovich

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The article is concerned with the emergence of the idea of sovereignty gives consideration to the most famous contributors to the theory of sovereignty. Sovereignty is primarily considered in terms of international relations theory. Special attention is paid to the limitation, restrictions and exclusions of sovereignty and its contemporary treatment.

Keywords: sovereignty, human rights, international affairs, international relations theory, internal sovereignty, external sovereignty, functional sovereignty, humanitarian intervention, diplomatic immunity, condominium.

Речкович Станислав Аскольдович
*аспирант, кафедра философии политики
 и права, философский факультет
 Московский государственный
 университет им. М. В. Ломоносова
 119991, г. Москва, Ломоносовский
 проспект, 27/4
 тел.: 8(495)9392442
 e-mail: stanislav.rechkovich@gmail.com*

Rechkovich Stanislav Askoldovich
*Postgraduate, Department of Philosophy
 of Politics and Law, Faculty of Philosophy
 M. V. Lomonosov Moscow State University
 27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991
 tel.: 8(495)9392442
 e-mail: stanislav.rechkovich@gmail.com*